

ГЛАВА 1

О ДЕВОЧКЕ ИЗ ТРУЩОБЫ И О МУЖЧИНЕ,
КОТОРЫЙ ВЫВЕЛ ЕЕ ОТТУДА,
КОГДА УМЕР

В каком-то смысле им выпал счастливый жребий — золотари крупнейшей из трущоб ЮАР имели и работу, и крышу над головой.

Зато статистического будущего не имели. Большинство из них ожидал скорый уход из жизни — от туберкулеза, пневмонии, кишечных инфекций, таблеток, алкоголя или различных комбинаций вышеназванного. Редким представителям этого сословия удавалось дожить до пятидесяти. Как удалось, например, заведующему одной из ассенизационных контор в Соуэто. Да и тот был уже сильно потрепанным и не особо здоровым индивидом: слишком давно он начал запивать слишком много обезболивающих таблеток слишком большим количеством пива в слишком ранние часы. Вследствие чего однажды позволил себе ответить сквозь зубы инспектору, присланному из Йоханнесбургского муниципального департамента санитарии. *Кафр* возмнил о себе! Об инциденте было немедленно доложено по инстанции вплоть до начальника департамента, и на другой день на утреннем кофе-брейке тот сообщил сотрудникам, что *неграмотного* в секторе “Б” пора менять.

На очень приятном, кстати говоря, кофе-брейке: в то утро к кофе подали торт — в честь прибытия нового секретаря муниципальной службы. Для двадцатитрехлетнего Пита дю Тойта эта должность стала первой после окончания университета.

Ему-то и предстояло разруливать ситуацию в Соуэто — так уж повелось в муниципалитете Йоханнесбурга. Каждого новенького отправляли к *неграмотным* — для профессиональной закалки. Все ли ассенизаторы Соуэто были неграмотны, достоверно никто не знал, однако называли их так. В школу, по крайней мере, никто из них не ходил. Жили они в хижинах. И с великим трудом понимали, что им говорят.

Пит дю Тойт переживал. Это был его первый визит к дикарям. На всякий случай отец — торговец предметами искусства — дал ему с собой телохранителя.

Войдя в ассенизационную контору, двадцатитрехлетний молодой человек не смог сдержать неудовольствия по поводу запаха. По другую сторону стола сидел заведующий, которому вскоре предстояло перестать заведовать. А стоящая рядом с ним девчонка, к изумлению нового секретаря, открыла рот и заметила, что говну вообще-то присуще такое неприятное свойство — вонять.

Пит дю Тойт даже подумал, уж не издевается ли она, но нет, это было невозможно.

Так что реплику он пропустил мимо ушей. И лишь уведомил заведующего, что его, заведующего, дальнейшее пребывание на этом посту исключено, поскольку так решили наверху, зато он, заведующий, может рассчитывать на три месячных оклада, если до конца недели сумеет подобрать столько же кандидатов на освободившееся место.

— А вы разрешите мне снова пойти простым черпальщиком, чтобы хоть немного зарабатывать? — спросил уволенный заведующий.

— Нет, — сказал Пит дю Тойт. — Не разрешу.

Секретарь дю Тойт и его телохранитель вернулись спустя неделю.

Уволенный заведующий сидел за своим столом — надо полагать, в последний раз. Рядом стояла та же самая девчонка. — А где три кандидата? — спросил секретарь.

Уволенный извинился, что двое присутствовать не смогут. Одному накануне вечером перерезали горло в уличной драке. Куда подевался другой, бывший заведующий не знал. Но допускал очередной рецидив.

Чего именно, Питу дю Тойту знать совершенно не хотелось. Зато страшно захотелось уехать, причем как можно скорее.

— А третий кто? — спросил он сердито.

— А вот же, девчонка, что со мной. Она мне уже пару лет помогает. Большая умница, надо вам сказать.

— Какого черта, не могу же я поставить девчонку двенадцати лет заведовать ассенизацией?

— Четырнадцать, — поправила девчонка. — Из них девять я работаю по специальности.

В кабинет сочилось зловоние. Пит дю Тойт испугался, как бы оно не въелось в его костюм.

— Наркоманка? — поинтересовался он.

— Нет, — ответила девчонка.

— Беременна?

— Нет, — ответила девчонка.

На несколько секунд секретарь умолк. Лишний раз навешиваться сюда ему совершенно не хотелось.

— Имя? — спросил он.

— Номбеко, — сказала девчонка.

— Номбеко, а дальше?

— Вроде бы Майеки.

Боже, *эти* сами не знают, как их зовут!

— Тогда, думаю, ты годишься на это место, если сможешь не бухать, — сказал секретарь.

— Смогу, — сказала девчонка.

— Ладно. — И секретарь повернулся к уволенному. — Мы договорились — три месячных оклада за трех кандидатов. По-

лучается, один кандидат — один оклад. Минус оклад за то, что не нашел никого старше двенадцати лет.

— Четырнадцать, — сказала девчонка.

Пит дю Тойт удалился не попрощавшись. Вместе с телохранителем, почтительно державшимся на два шага позади.

Девочка, вдруг ставшая начальницей своего начальника, поблагодарила его за помощь и сообщила, что теперь он назначен ее правой рукой.

— А как же Пит дю Тойт? — спросил бывший начальник.

— А мы тебе имя поменяем! Секретарь ни за что не отличит одного *негра* от другого.

Так сказала девочка четырнадцать лет, выглядевшая на целых двенадцать.

Новоиспеченной заведующей ассенизацией сектора “Б” Соуэто ходить в школу так и не привелось. Не только потому, что у ее матери были другие приоритеты, но и в силу того, что при всем богатстве выбора девочка умудрилась родиться в ЮАР, да еще в начале шестидесятых, когда детей вроде Номбеко политическое руководство страны не видело в упор. Тогдашний премьер прославился риторическим вопросом — зачем черным школы, если они способны только таскать дрова да воду.

В данном случае он ошибался: Номбеко таскала не дрова и не воду, а бадьи с экскрементами. Тем не менее оснований полагать, что, повзрослев, девочка будет запросто общаться с королями и президентами, не было никаких. И что она нагонит страху на целые страны. И даже повлияет на судьбы мира.

Не будь она такой, какой была.

Но она была именно такой.

В частности, работающей. Уже в пять лет она таскала бадьи размером с себя. И получала за их опорожнение почти столько, сколько требовалось маме, чтобы каждый день по-

сылать дочку за бутылкой растворителя. Мама брала бутылку со словами “спасибо, детка”, выкручивала пробку и принималась глушить нескончаемую боль от того, что ни у нее, ни у ее ребенка нет будущего. Что до отца Номбеко, то он исчез с горизонта дочери спустя двадцать минут после ее зачатия.

Номбеко росла, и за день ей удавалось опорожнять все больше бадей, так что денег хватало уже не только на растворитель. Поэтому мама стала добавлять к нему таблетки и алкоголь. Но девочка сообразила, что долго так продолжаться не может, и предложила маме выбирать: или она завязывает с этим делом, или ей кранты.

Мать кивнула: она поняла.

Народу на похороны пришло немало. В ту пору большинство населения Соуэто занималось в основном двумя вещами: медленно убивало себя и ходило прощаться с теми, кому это уже удалось. Мамы не стало, когда Номбеко было десять лет, а папы, как сказано выше, она и вовсе сроду не видала. Девочка прикинула, не продолжить ли дело матери в смысле создания постоянной химической защиты от реальности. Но, получив первую после маминой смерти зарплату, решила все-таки купить себе еды. Утолив голод, она огляделась и сказала себе: “Что я тут забыла?”

Но тотчас поняла, что выбора у нее особо нет. На южно-африканском рынке труда десятилетние неграмотные девчонки были востребованы не то чтобы в первую очередь. И не то чтобы во вторую. А в этой части Соуэто рынок труда отсутствовал и вовсе, зато в избытке присутствовали безработные.

Однако опорожнять кишечник свойственно даже беднейшим представителям рода человеческого, так что способ заработать у Номбеко оставался. А поскольку маму уже похоронили, то заработок она могла оставлять себе.

Чтобы скоротать время за тасканием бадей, Номбеко еще с пяти лет приноровилась их считать:

— Одна, две, три, четыре, пять...

Став старше, она усложнила себе задачу, чтобы было интереснее:

— Пятнадцать бадей умножить на три ходки, умножить на семь человек плюс одного, который ничего не делает, потому что пьян... это будет... Триста пятнадцать.

Мама Номбеко не особенно интересовалась окружающим миром, за исключением бутылки с растворителем, однако все-таки заметила, что дочь умеет как складывать, так и вычитать. И в последние свои годы призывала ее на помощь всякий раз, когда предстояло разделить между соседями очередную поступившую партию таблеток разного цвета и эффективности. Все же бутылка растворителя — это всего лишь бутылка растворителя. А чтобы разделить таблетки по пятьдесят, сто, двести пятьдесят и пятьсот миллиграммов в соответствии с пожеланиями и финансовыми возможностями заказчика, требовалось владение всеми арифметическими действиями. И десятилетняя Номбеко ими владела. Да еще как.

Однажды, например, она оказалась рядом со своим непосредственным начальником в тот момент, когда он пытался составить ежемесячный отчет по количеству и тоннажу.

— Девяносто пять умножить на девяносто два, — бормотал начальник. — Где арифмометр?

— Восемь тысяч семьсот сорок, — сказала Номбеко.

— Детка, помоги лучше арифмометр найти.

— Восемь тысяч семьсот сорок, — повторила Номбеко.

— Что ты такое говоришь?

— Девяносто пять умножить на девяносто два будет восемь тысяч семь...

— Откуда ты знаешь?

— Ну как? Девяносто пять — это без пяти сто, девяносто два — сто без восьми, сложим, вычтем из ста, будет восемьдесят семь. А пять на восемь будет сорок. Восемьдесят семь сорок. Восемь тысяч семьсот сорок.

— А как ты догадалась? — спросил изумленный начальник.

— Не знаю, — честно ответила Номбеко. — Может, вернемся к работе?

В тот день ее повысили в должности до помощницы заведующего.

Но неграмотная девочка, хоть и умела считать, но все больше досадовала, что не в состоянии прочесть распоряжений йоханнесбургского руководства, которые ложились на стол ее начальника. Тот и сам не особенно дружил с буквами. Он с трудом продирался сквозь каждый текст, параллельно листая африкаанс-английский словарь, чтобы перевести совсем уж неудобочитаемые слова на худо-бедно понятный язык.

— Что им надо на этот раз? — спрашивала Номбеко.

— Вроде бы требуют, чтобы мы тщательнее заполняли мешки, — отвечал заведующий. — Так мне кажется. Или хотят закрыть какую-то очистную станцию. Не поймешь, — вздыхал заведующий.

Заместительница ничем не могла ему помочь и поэтому тоже только вздыхала.

На счастье, как-то в душевой при раздевалке ассенизаторов к тринадцатилетней Номбеко пристал мерзкий старикашка. Впрочем, он тотчас передумал, не успев ни до чего добраться, поскольку девочка воткнула ему в ляжку ножницы.

На другой день она отыскала старикашку по ту сторону ряда отхожих будок в секторе “Б”. Тот сидел в складном кресле перед своей зеленой хижинкой. Ляжка у него была забинтована, а на коленях лежали... книги?

— Ну, чего тебе? — спросил старикашка.

— Дяденька, я, кажется, забыла свои ножницы у тебя в ляжке и вот пришла их забрать.

— Я их выбросил, — сказал старикашка.

— В таком случае ты задолжал мне ножницы, — сказала девочка. — А где ты научился читать?

Мерзкого старикашку звали Табо, и половина зубов у него отсутствовала. Ляжка отчаянно болела, и он не испытывал ни малейшего желания беседовать с рассерженной девчонкой. С другой стороны, впервые за все время его пребывания в Соуэто хоть кто-то заинтересовался его книгами. Они заполонили всю его зеленую хибару, за что соседи прозвали старикашку “По-лоумным Табо”. Но девчонка спросила о них скорее с завистью, чем с насмешкой. А ну как ему за это кое-что обломится? — Будь ты поговорчивей и не кидайся на людей с ножницами, дядюшка Табо, глядишь, и подумал бы насчет того, чтобы тебе за это кое-что рассказать. Он мог бы даже научить тебя разбирать буквы и слова. Но это если ты будешь поговорчивей.

Однако проявлять большую сговорчивость, чем накануне в душе, Номбеко не собиралась. К счастью, ответила она, у нее остались еще одни ножницы, их она бережет для другой ляжки дядюшки Табо. Но если дядюшка Табо попридержит руки и научит ее читать, то о целости другой своей ляжки он может не беспокоиться.

Табо не понял — девчонка что, угрожает?